

Главный инженер

Лейтенант Фридрих Буш, летчик германской разведывательной авиации, и новодеревенский школьник Леша Михайлов в один и тот же день получили награды: лейтенант Буш — железный крест, а Леша Михайлов — медаль «За оборону Ленинграда».

Как сказано было в приказе германского командования, летчик Буш представлялся к награде «за отличную разведывательную деятельность над позициями противника у Ленинграда, в результате чего были обнаружены и уничтожены 12 зенитных установок русских». А Леша Михайлов получил свою медаль как раз за то, что помог немецким самолетам обнаружить эти двенадцать батарей...

Вы, я вижу, удивлены. У вас глаза на лоб полезли. Вы думаете небось, что это ошибка или опечатка. Что ж, выходит, значит, что Леша Михайлов предатель? Почему же тогда он получил советскую награду, а не какой-нибудь тоже медный или оловянный немецкий крест?

А между тем никакой ошибки тут нет. Леша Михайлов получил свою награду по заслугам. А вот за что получил ее лейтенант Фридрих Буш — это дело темное. Хотя — если разобраться — может быть, он и в самом деле неплохо выполнил свою боевую задачу. Ведь он действительно обнаружил на подступах к Ленинграду двенадцать зенитных батарей. Правда без помощи Леша Михайлова и других ребят он черта бы с два обнаружил. А хотя...

Ну да, впрочем, так вы все равно ничего не поймете. Надо все рассказать по порядку.

* * *

Леша Михайлов жил, как я уже сказал, в Новой Деревне. Около их дома — за огородами — был пруд. На том берегу пруда в небольшой рожице стояла зенитная батарея. Почти каждую ночь, когда с финской стороны летели на Ленинград немецкие бомбардировщики, батарея открывала огонь. Конечно, не одна батарея. Их там вокруг было много. От этого огня в Михайловском доме, как и в других, соседних домах, давно уже не осталось ни одного стекла — окна были заколочены досками или фанерой, или заткнуты подушками. Зато уж и немцам, конечно, тоже доставалось от этого огня!..

Батарея была хорошо замаскирована. В обычное время, когда она помалкивала,

не работала, ее не только с воздуха, но и с земли не разглядеть было. Но, конечно, это только взрослые не могли разглядеть. А от ребят разве что-нибудь скроешь?

Ребята еще давно, еще в самом начале войны, когда только появилась у них эта батарея, все, что им нужно было, разнюхали, разведали и знали теперь батарею, наверно, не хуже самих зенитчиков. Знали и сколько там орудий, и какого они калибра, и сколько у орудий прислуги, и кто командир, и где снаряды лежат, и как заряжают, и как стреляют, и как команду подают.

Работала батарея только по ночам. Наутро после налета бомбардировщиков почти всякий раз прилетал в деревню маленький, легкий, похожий на стрекозу немецкий самолет-разведчик «хеншель-126». Иногда он по полчаса и больше кружил над деревней, выискивая и вынюхивая расположение русских зениток.

Но батареи молчали. И «хеншель-126», повертевшись и покружившись, улетал восвояси.

Сначала ребята удивлялись:

— Что ж они не стреляют? Ведь он же прямо совсем на куриной высоте летит! Его с одного выстрела подбить можно!..

Один раз они даже не выдержали и закричали через колючую проволоку командиру батареи, который в это время как раз разглядывал в бинокль вражеского разведчика:

— Товарищ старший лейтенант! Чего ж вы смотрите! Хлопните его из второго орудия. В самый раз будет.

Командир оторвался от бинокля и с удивлением посмотрел на ребят.

— Это что такое? — крикнул он строго. — Вы как сюда попали?!

Ребята переглянулись, и Леша Михайлов за всех ответил:

— Мы так... потихоньку... Замаскировались.

— Ах, вот как? Замаскировались? Ну, так и я вот тоже — маскируюсь. Понятно?

— Ага. Понятно, — сказал, подумав, Леша. — Чтобы, значит, не обнаружили и не засекли?

— Во-во, — сказал командир. — А вообще пошли вон отсюда! Разве не знаете, что сюда нельзя ходить?

— Знаем, — ответили ребята. — Да мы не ходим, мы ползаем.

— Ну и ползайте обратно.

Дня через три, вечером, на батарее была объявлена боевая тревога. Не успел отзвенеть сигнал, как ребята уже сидели на своем обычном месте — в кустах на берегу пруда. Кто-то из батарейцев их заметил и сказал командиру.

— Ах, вот как? — закричал командир, узнав Лешу Михайлова. — Опять это ты? Ну, погоди, попадись ты мне!..

Леша и товарищи его убежали, но и после, конечно, подглядывали за батарейцами, только стали немного осторожнее.

А в ноябре месяце, перед самыми праздниками, случилась эта самая история, за которую Леша Михайлов с товарищами чуть не угодил в трибунал.

Ну, да, впрочем, не будем забегать вперед. Будем и дальше рассказывать по порядку.

* * *

Выдался как-то очень хороший зимний денек. Снегу насыпало — ни пройти, ни проехать. После школы выбежали ребята на улицу, гулять. Стали играть в снежки. Поиграли немного — надоело. Кто-то предложил лепить снежную бабу. А Леша Михайлов подумал и говорит:

— Нет, ребята, давайте лучше не бабу, а давайте — знаете что? — построим снежную крепость. Или батарею зенитную? С блиндажом и со всем, что полагается.

Затея ребятам понравилась, и вот на пруду, за Михайловскими огородами, по соседству с настоящей зенитной батареей началось строительство игрушечной, снежной и ледяной огневой точки.

Работали ребята весь день — до вечера. Катали снежные комья, возводили стены, брустверы, орудийные площадки... И получилось у них здорово. Все как настоящее. Даже пушку соорудили, и пушка у них была не какая-нибудь, а самая всамделишная — зенитная, из какого-то старого дышла или оглобли, и даже вертелась, и можно было из нее прицеливаться.

Это было в субботу. На следующий день ребята с утра достраивали свою крепость, когда над их головами в безоблачном зимнем небе появился старый новодеревенский знакомый «хеншель-126». На этот раз он прилетел очень кстати. Играть стало еще интереснее.

— Воздух! — закричал Коська Мухин, маленький, веснушчатый пацан по прозвищу «Муха».

— Тревога! — закричал Леша Михайлов. — Товарищи бойцы, по местам!

Он первый подбежал к игрушечной пушке и стал наводить ее на настоящий вражеский самолет.

— По фашистским стервятникам — огонь! — скомандовал он и сам ответил за свою пушку:

— Бах! Бах!

— Бам-ба-ра-рах! — хором подхватили ребята.

А разведчик, как всегда, повертелся, покрутился и, стрекоча своим стрекозиным моторчиком, улетел в сторону фронта.

Ребята еще немного поиграли, потом разошлись.

Лешу Михайлова позвали домой обедать. Он с удовольствием уплетал мятый вареный картофель с соевым маслом и уже собирался попросить у матери добавочки и даже протянул для этого миску, как вдруг миска вылетела у него из рук. Оглушительный удар, а за ним второй и третий прогремели, как ему показалось, над самой его головой. Стены Михайловского дома заходили ходуном, посыпалась штукатурка, на кухне что-то упало и со звоном покатилося. Лешина сестренка Вера диким голосом закричала и заплакала. За нею заплакала Лешина бабушка.

— Бомбят! Бомбят! — кричал кто-то на улице. Там уже работали зенитки, стучал пулемет, и где-то высоко в небе приглушенно гудели моторы немецких пикировщиков.

— А ну — живо — лезьте в подполье! — скомандовала Лешина мать, отодвигая стол и поднимая тяжелую крышку люка.

Бабушка, а за нею Лешины сестры и младший брат полезли в подвал, а сам Леша, пользуясь суматохой, сорвал со стены шапку и юркнул в сени.

Во дворе он чуть не столкнулся с Коськой Мухиным. Муха едва дышал, лицо у него было бледное, губы дрожали.

— Ой, Лешка! — забормотал он, испуганно оглядываясь и шмыгая носом. — Ты знаешь... беда какая...

— Что? Какая беда?

Муха не мог отдышаться.

— Ты знаешь, ведь это... ведь это ж нашу батарею сейчас бомбили!..

— Ну, да! Не ври! — сказал, побледнев, Леша.

— Ей-богу, своими глазами видел. Две бомбы... прямое попадание... и обе в нашу батарею. Одни щепочки остались.

— Сам видел, говоришь?

— Говорю ж тебе, своими глазами видел. Мы с Валькой Вдовиным за водой ходили, увидели и — сразу туда. Я убежал, а он...

— Что?! — закричал Леша и с силой схватил товарища за плечо.

— Его... его на батарею увели. На настоящую, — сказал Муха и, опустив голову, заплакал.

* * *

Немецкие самолеты разбомбили игрушечную крепость и улетели. На батареях прозвучал отбой воздушной тревоги, понемногу успокоилось все и в самой деревне, а Валька Вдовин все еще не возвращался домой.

Леша Михайлов несколько раз бегал к Валькиной матери. Он успокаивал ее, говорил, что видел Вальку «своими глазами», что он жив, что его пригласили в гости зенитчики и угощают его там чаем или галетами.

Но сам Леша не мог успокоиться.

«Ведь это ж я виноват, — думал он. — Это я все выдумал — с этой дурацкой крепостью. А Валька даже не строил ее. Он только сегодня утром из Ленинграда приехал...»

Он уже собирался пойти на батарею и сказать, что это он виноват, а не Валька, когда в дверь постучали и в комнату ввалился сам Валька Вдовин.

— Ага, ты дома, — сказал он, останавливаясь в дверях.

— Дома, дома, заходи, — обрадовался Леша.

— Да нет... я на минутку... я не буду, — пробормотал Валька. — Кто-нибудь у вас есть?

— Нет, никого нет. Бабушка спит, а мама в очередь ушла. Заходи, не бойся.

— Лешка, — сказал Вдовин, не глядя на Лешу. — Тебя, наверно, в трибунал отправят. Судить будут.

— Меня? — сказал Леша. — А откуда ж узнали, что это я?

— Откуда узнали? А это я на тебя сказал.

— Ты?!

— Да, я, — повторил Валька и посмотрел Леше в глаза. — Я сначала отпирался. Говорю: знать ничего не знаю. А потом командир батареи говорит: «Это, наверно, такой чернявенький, с полосатым шарфом... Михайлов его, кажется, зовут?» Ну, я и сказал. «Да, — говорю, — Михайлов». И адрес твой спросил — я тоже сказал.

Леша стоял, опустив голову.

— Так, — выговорил он наконец. — Значит, и адрес сказал?

— Да. И адрес сказал.

— Ну, и правильно, — сказал Леша. — Я бы все равно сам пошел на батарею. Я уже собирался даже.

— Значит, ты не сердишься?

Леша стоял, не глядя на товарища.

— Нет, — сказал он.

Валька схватил его за руку.

— Знаешь что? — сказал он. — А может быть, тебе убежать лучше?

— И не подумаю, — сказал Леша.

Потом он взглянул на Вальку, не выдержал и тяжело вздохнул.

— Как ты думаешь — расстреляют? — сказал он.

Валька, подумав немного, пожал плечами.

— Может быть, и не расстреляют, — ответил он не очень уверенно.

* * *

До вечера Леша Михайлов ходил сам не свой. Прибегали ребята, звали его гулять — он не пошел. Уроков он не учил, отказался от ужина и раньше, чем обычно, улегся спать. Но как ни старался, как ни ворочался с одного бока на другой, заснуть он не мог. Не то чтобы он очень боялся чего-нибудь. Нет, Леша был, как говорится, не из трусливого десятка. Но все-таки, как вы сами понимаете, положение у него было не веселое. Тем более, что он чувствовал себя действительно виноватым. А мысль о том, что судить его будут в Военном трибунале, как какого-нибудь шпиона или предателя, совсем убивала его.

«Может быть, и в самом деле лучше убежать? — думал он. — Попроюсь как-нибудь на фронт или к партизанам, навру чего-нибудь, скажу, что мне скоро тринадцать лет будет, — может, меня и возьмут. Пойду куда-нибудь в разведку и погибну... как полагается... а после в газетах напишут или, может быть, объявят Героем Советского Союза...»

Но убежать Леша не успел. Перед самым рассветом он забылся и задремал. А в половине восьмого, раньше чем обычно, его разбудила мать.

— Леша! Лешенька! — говорила она испуганным голосом. — Проснись! Сыночек!

— Чего? — забормотал Леша, дрыгая спросонок ногой.

— Вставай скорее. За тобой приехали, тебя спрашивают.

Леша одним махом сбросил с себя одеяло и сел в постели.

— Приехали? Из трибунала? — сказал он.

— Из какого трибунала? Не знаю, военный какой-то приехал. На мотоциклетке.

«Эх, не успел убежать», — подумал Леша.

Застегивая на ходу рубашку и затягивая ремешок на животе, он вышел на

кухню.

У печки стоял высокий красноармеец в полушубке и в кожаном шоферском шлеме. Он сушил перед печкой свои меховые рукавицы. От них шел пар.

Увидев Лешу, красноармеец как будто слегка удивился. Наверно, он думал, что Леша немного постарше.

— Михайлов Алексей — это вы будете? — сказал он.

— Я, — сказал Леша.

— Одевайтесь. Я за вами. Вот у меня повестка на вас.

— Ой, батюшки-светы, куда это вы его? — испугалась Лешина мать.

— А это, мамаша, военная тайна, — усмехнулся красноармеец. — Если вызывают, значит, заслужил.

У Леша не попадали в рукава руки, когда он натягивал свое пальтишко. Мать хотела ему помочь. Он отстранил ее.

— Ладно, мама. Оставь. Я сам, — сказал он и почувствовал, что зубы у него все-таки слегка стучат и голос дрожит.

— Взять с собой что-нибудь можно? Или не надо? — спросил он, посмотрев на красноармейца.

Тот опять усмехнулся и ничего не сказал, а только покачал головой.

— Поехали, — сказал он, надевая свои меховые рукавицы.

Леша попрощался с матерью и пошел к выходу.

На улице у ворот стоял ярко-красный трофейный мотоцикл с приставной коляской-лодочкой.

Еще вчера утром с каким удовольствием, с каким фасоном прокатился бы Леша Михайлов на виду у всей деревни в этой шикарной трехколесной машине! А сейчас он с трудом, еле волоча ноги забрался в коляску и сразу же поднял воротник и спрятал лицо: еще, не дай бог, увидит кто-нибудь из соседей...

Красноармеец сел рядом в седло и одним ударом ноги завел мотор. Мотоцикл задрожал, зафукал, застучал и, сорвавшись с места, помчался, взметая снежные хлопья и подпрыгивая на ухабах, по знакомой деревенской улице.

* * *

Ехали они очень недолго. Леша и оглянуться не успел, как машина застопорила и остановилась у ворот двухэтажного каменного дома. У ворот стоял часовой.

Леша огляделся и узнал этот дом. Когда-то здесь был детский сад.

«Это на Островах, — сообразил он. — Вот он, оказывается, где трибунал-то помещается...»

— Вылезай, Алексей Михайлов. Пошли, — сказал ему красноармеец.

«Ох, только бы не заплакать», — подумал Леша, вылезая из кабинки и направляясь к воротам.

Часовой попросил у них пропуск.

— К полковнику Шмелеву, — сказал Лешин сопровождающий и показал повестку. Часовой открыл калитку и пропустил их.

В большой накуренной комнате, где когда-то помещалась, наверное, столовая детского сада, было сейчас очень много военных. Были тут и летчики, и зенитчики, и моряки с береговой обороны. Были и красноармейцы, и офицеры. Кто сидел, кто стоял, прислонившись к стене, кто расхаживал по комнате.

— погоди минутку, я сейчас, — сказал Леше его спутник и скрылся за большой белой дверью. Через минуту он вернулся.

— Посиди, отдохни, тебя вызовут, — сказал он и ушел.

Леша присел на краешке скамейки и стал ждать.

Вдруг белая дверь открылась и из нее вышел Лешин знакомый — тот самый старший лейтенант, командир новодеревенской батареи. Он увидел Лешу, узнал его, но ничего не сказал, нахмурился и пошел к выходу.

А Леша даже привстал от волнения. Он даже не сразу расслышал, что его зовут.

— Михайлов! Михайлов! Кто Михайлов? — говорили вокруг.

— Я Михайлов! — закричал Леша.

— Что же ты не откликаешься? — сердито сказал ему молоденький лейтенант в блестящих, как зеркало, сапогах. Он стоял в дверях с какими-то папками и списками и уже целую минуту выкликал Лешину фамилию.

— Пройдите к полковнику, — сказал он, открывая белую дверь.

«Только бы не заплакать», — еще раз подумал Леша и, стараясь держаться прямо, по-военному, шагнул через порог.

* * *

Пожилой, стриженный ежиком полковник сидел за большим столом и перелистывал какие-то бумаги.

— Михайлов? — спросил он, не глядя на Лешу.

— Да, — ответил Леша.

Полковник поднял глаза и тоже как будто удивился, что Леша такой маленький и тщедушный.

— Н-да, — сказал он, разглядывая его из-под густых и мохнатых, как у медведя, бровей. — Вот ты какой, оказывается. А ну-ка подойди ближе.

Леша подошел к столу. Полковник смотрел на него строго, и седые медвежьи брови его все ближе и ближе сдвигались к переносице.

— Так, значит, это ты построил снежную крепость, или блиндаж, или что там... которую давеча разбомбили «мессеры»?

— Да... я, — прохрипел Леша и почувствовал, что еще минута — и слезы помешают ему говорить. — Только ведь мы не нарочно, товарищ полковник, — прибавил он, стараясь глядеть полковнику прямо в глаза. — Мы ведь играли...

— Ах, вот как? Играли?

— Ага, — прошептал Леша.

— Кто это «мы»?

— Ну, кто? Ребята, одним словом.

— А кто зачинщик? Кто выдумал все это? Под чьим руководством строили?

— Я выдумал. Под моим, — ответил Леша, опуская голову. И тут он не выдержал

— слезы прорвались оттуда, где они до сих пор прятались, и заклокотали у него в горле.

— Товарищ полковник... пожалуйста... простите меня, — пролепетал он. — Я больше не буду...

— Это что — не будешь?

— Играть не буду.

— Вот тебе и на! — усмехнулся полковник. — Как же это можно — не играть?

— Ну... вообще... блиндажей не буду строить.

— Не будешь? Самым серьезным образом не будешь?

— Самым серьезным. Вот ей-богу! Хоть провалиться, — сказал Леша.

— Н-да, — сказал полковник. — Ну, а если мы тебя попросим?

— Что попросите?

— Да вот что-нибудь еще построить — в этом же роде. Крепость, или блиндаж, или дзот какой-нибудь.

Леша поднял глаза. Полковник смотрел на него по-прежнему серьезно, не улыбаясь, только брови его разошлись от переносицы, и под ними открылись ясные, немного усталые и воспаленные от долгой бессонницы глаза.

— Видишь ли, дорогой товарищ, какая история, — сказал он. — Оказывается, что в военное время даже играть надо осторожно. Вот построили вы, например, батарею. Отлично, вероятно, построили, если немец ее за настоящую принял. Но построили вы ее где? Рядом с настоящей боевой действующей зенитной батареей. Это тебе известно?

— Известно, да, — чуть слышно проговорил Леша.

— А ведь рядом не только батарея. Тут и невоенные объекты — жилые дома, живые люди.

— Товарищ полковник! — чуть не плача, перебил его Леша. — Да разве ж я не понимаю?!

— Понимаешь, да поздно, — строго сказал полковник. — Задним умом живешь.

— Правильно. Задним, — вздохнув, согласился Леша.

— А между тем, — продолжал полковник, — такие фальшивые, что ли, сооружения, как ваша крепость, нам, военным людям, очень и очень нужны. Они называются у нас ложными объектами. Чтобы замаскировать настоящий объект, отвести противнику глаза и натянуть ему нос, — где-нибудь в стороне строятся поддельные, декоративные, похожие на настоящие и все-таки не настоящие укрепления и сооружения: блиндажи, окопы, ангары, огневые точки, батареи и — все, чего, одним словом, душа пожелает.

Леша давно уже проглотил слезы и слушал полковника с таким вниманием, что даже рот открыл.

— Понятно тебе? — сказал полковник.

— Ага. Понятно, — кивнул Леша.

— Так вот, товарищ Михайлов, не согласитесь ли вы построить нам штук пять-шесть таких ложных объектов?

— Это кто? Это я? — чуть не закричал Леша.

— Да. В общем, ты и товарищи твои.

Леша смотрел на полковника и не понимал, шутит он или нет.

— А из чего строить? Из снега? — спросил он.

— А это уж как вам хочется. Лучше всего из снега, конечно. Во-первых, материал дешевый. А во-вторых, кто же лучше ребят со снегом умеет работать!

— Точно! — согласился Леша.

— Ну, так как же? — сказал полковник.

— Ну что ж, — ответил Леша, для важности почесав в затылке. — Можно, конечно. Только вот боюсь, что, пожалуй...

— Что еще за «пожалуй»?

— Оглобель, боюсь, не хватит.

— Каких оглобель?

— Ну, которые вместо пушек. У нас ведь понарошку было: зенитки у нас не

было, так мы — оглоблю вместо нее...

— Понятно, — сказал полковник. — Ну что ж, товарищ Михайлов, оглобель уж мы вам как-нибудь раздобудем. За оглоблями дело не станет.

— Тогда все в порядке, — сказал Леша. — Приказано строить.

Они еще немножко поговорили, и через десять минут красный штабной мотоцикл уже мчал Лешу Михайлова обратно домой.

* * *

А что было дальше — я вам в подробностях рассказать не могу. Где и как строились ложные объекты — это, как вы сами понимаете, очень большая военная тайна. Могу только сказать, что строили их, вместе с Лешей Михайловым, и Коська Мухин, по прозвищу Муха, и Валька Вдовин, и другие новодеревенские ребята. Но Леша Михайлов был у них главным инженером. И в штабе, куда он теперь частенько заглядывал за указаниями и за инструкциями, его так и называли:

«Инженер 1-го ранга Алексей Михайлов».

Работали ребята, в общем, на славу, — иногда, если нужно было, и по ночам работали, забывали пить и есть, не жалели ни сна, ни времени своего, но в школу все-таки бегали, не пропускали, и Леша Михайлов даже умудрился в эти дни получить «отлично» по русскому письменному.

А «хеншель-126» теперь уже не летал в Новую Деревню, а летал туда, где возникали одна за другой новые зенитные точки. Следом за ним прилетали тяжелые «мессеры» и «фокке-вульфы» и, не жалея боеприпасов, бомбили снежные блиндажи и деревянные орудия. А ребята сидели в это время дома или в убежище, прислушивались к далеким разрывам фугасок, переглядывались и посмеивались. И взрослые не понимали, чего они смеются, и сердились. Ведь никто не знал, что немцы бомбят снег. А ребята хранили военную тайну свято, как полагается.

Иногда, если немцы не замечали батарею и долго ее не бомбили, ребятам приходилось достраивать или даже перестраивать ее. Но таких было немного — две или три, а на остальные немцы «клевали», как рыба клюет на хорошую приманку.

В тот день, когда фашистские самолеты разбомбили двенадцатую по счету снежную батарею, Лешу Михайлова с товарищами вызвали в Ленинград, в штаб фронта. Их принял командующий фронтом. Из его рук Леша Михайлов получил

медаль, а товарищи его — почетные грамоты, в которых было сказано, что они отличились на обороне города Ленина, «выполняя специальное задание командования».

В этот же день лейтенант Фридрих Буш, командир разведывательного самолета «хеншель-126», получил железный крест. Об этом писали немецкие фашистские газеты. Видели мы там и фотографию этого отважного летчика. До чего же, вы знаете, глупое, самодовольное и счастливое лицо у этого прославленного героя...

Где-то он теперь, этот Фридрих Буш?

А Леша Михайлов жив, здоров, по-прежнему живет в Новой Деревне и учится уже в девятом классе.